

ИСТОРИЯ

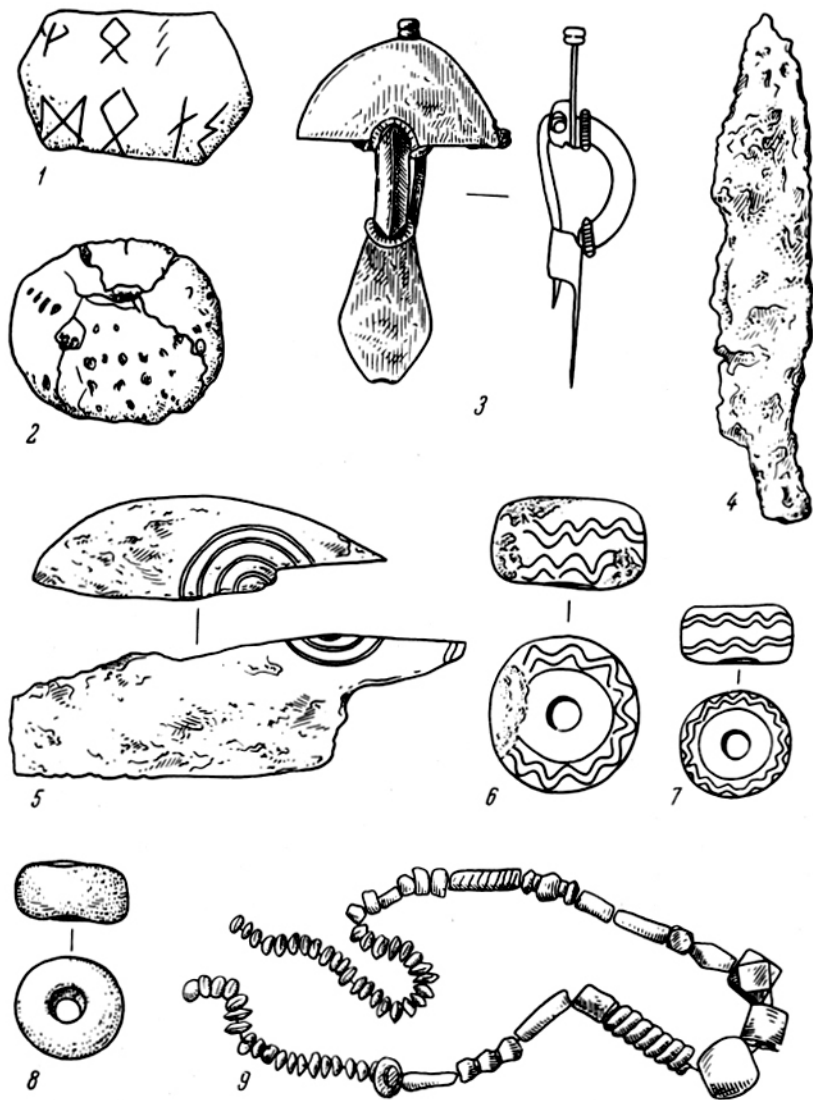
СЛЕДЫ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

М. А. Тиханова

В проблеме черняховской культуры по-прежнему дискуссионными остаются не только ее этническая принадлежность и происхождение, но даже ареал и хронологические рамки. Большинство археологов, советских и зарубежных, ограничивают время существования черняховской культуры в ее уже сложившемся виде второй половиной III—IV в., быть может, местами с выходом в начало V в., т. е. придерживаются так называемой узкой хронологии¹. Другие отодвигают начало черняховской культуры во II в. и относят ее бытование не только к V в., но даже к VI и VII вв., т. е. принимают широкую хронологию, пытаясь связать бытование черняховской культуры, притом не только хронологически, с достоверно известными раннеславянскими памятниками². М. Ю. Брайчевский настолько расширил рамки черняховской культуры, что распространил ее на все южнопольские земли — Малопольшу и Силезию и включил даже Словакию и Моравию³. Велики разногласия исследователей, в первую очередь советских, и в отношении происхождения черняховской культуры. Одни исследователи утверждают прямые ее связи и преемственность, во всяком случае для определенных районов, с зарубинецкой культурой, хотя хронологический разрыв очень велик⁴; другие — преимущественно с пшеворской культурой, значительно преувеличивая роль последней в формировании черняховской культуры⁵; наконец, третьи⁶ — в настоящее время число сторонников этого мнения, как у нас, так и за рубежом, особенно среди польских и румынских археологов, увеличилось — отводят значительное место в происхождении и формировании черняховской культуры германским элементам.

Нам уже приходилось излагать свою точку зрения на происхождение черняховской культуры: «В отличие от Ю. В. Кухаренко мы включаем в состав черняховской культуры и волынскую группу. Саму же черняховскую культуру мы признаем, во всяком случае изначально, германской (отнюдь притом не только готской) культурой, носители которой сохраняют многие германские черты и тогда, когда они приходят в тесные соприкосновения (не только враждебные, но и мирные) с миром античным и с иноэтничным миром местных племен»⁷.

В настоящее время мы могли бы внести ряд уточнений, а именно: выясняется значительная и даже решающая роль так называемой вос-

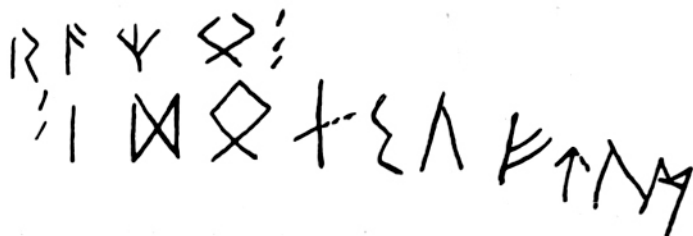
Предметы из погребения № 36 в Лецканах.

1 — глиняное пряслице с рунической надписью; 2 — глиняное пряслице; 3 — серебряная фибула; 4 — железный нож; 5 — обломок гребня; 6—9 — бусы.

точнопоморско-мазовецкой культуры (термин, предложенный К. Годловским⁸ и применявшийся уже в советской археологической литературе М. Б. Щукиным, В. В. Кропоткиным и автором; в самое последнее время заменяемый в работах польских археологов термином «вельбаркско-цецельской» — по названию местностей, где были открыты могильники данной культуры, Вельбарк (Вилленберг) в Нижнем Повисленье и Цецелепов, Семятиче в правобережной Мазовии⁹). Речь идет о всем правобережье Нижней Вислы и правобережной Мазовии и явных связях с германским миром.

Наконец, что касается этнической принадлежности черняховской культуры, то в этом наиболее остром вопросе до сих пор сосуществуют три точки зрения: одни полагают, что черняховской культурой, во всяком случае в период ее расцвета, были охвачены в основном славянские племена¹⁰; вторые утверждают ее полиэтничность, и третьи, прямо в противоположность первым, считают, что носителями черняховской культуры были племена, входившие в состав готского племенного союза¹¹.

При разработке вопросов о происхождении и этническом составе носителей черняховской культуры на территории Украины и Молдавии и

Руническая подпись на пряслице из погребения № 36 в Лецканах.

культуры Синтана де Муреш-Черняхов на территории Румынии далеко не последнюю роль могут сыграть открытые в последние десятилетия в пределах ареала этой культуры следы рунической письменности. Не касаясь сколько-нибудь подробно в данной статье вопроса, до сих пор спорного, о происхождении рунического письма, мы категорически отвергаем долгое время существовавшее представление об его северочерноморских истоках. Мы принимаем, как наиболее обоснованную гипотезу, теорию Марстрандера—Хаммерстрема о происхождении рунического письма из североиталийского алфавита в одной из его разновидностей, с последующей его переработкой одним из южногерманских племен (хотя прямого его прототипа пока не обнаружено). Наиболее ранние следы рунической письменности известны во времени около 200 г. на территории Дании (Зеландия, Ютландия), Южной Швеции (Сконе), т. е. в месте предположительного обитания герулов (ерулов), изгнанных затем с их родины данами. Герулы выступают, как известно, во второй половине III в. вместе с готами у берегов Черного моря, а в 267 г. совершают нападение на Афины и возвращаются в Северное Причерноморье. Если Южная Скандинавия и не является прародиной рунической письменности, то все же именно здесь были найдены древнейшие рунические надписи на изделиях из дерева, металла и кости, исполненные мастерами, в которых ряд исследователей видит древних герулов¹².

Следы рунической письменности обнаружены пока в нескольких памятниках черняховской культуры в Румынии, в могильниках на территории Молдовы, Мунтении и Валахии и на северо-западе Украины, на Южной Волини — на поселении. Исключительный интерес представляет находка (в 1968 г.) глиняного пряслица с полностью сохранившейся

Кувшин из погребения
в Раду-Негру.

филиала Румынской Академии наук. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, правая рука вдоль туловища, левая на тазу. Погребение сопровождалось четырьмя глиняными сосудами, сделанными на гончарном круге, расположенными вдоль тулова, справа от костяка — двумя серого цвета кухонными горшками из грубого теста и двумя столовыми тонкостенными мисками, одной чернолощеной, другой — серой. На шее костяка находилось ожерелье из бус, в основном стеклянных, в том числе двух четырнадцатигранных — одной вишневого, другой — желтого цвета; среди бус одна глиняная, две из кости. Вторая группа бус, три больших, также стеклянных, находилась близ запястья рук. С левой стороны на уровне живота лежала серебряная двупластинчатая фибула с полукруглой головкой и ромбоидальной ножкой типа Авброс IAA¹⁶. Близ тазовых костей лежал железный нож, у левого бедра часть раковин *Muges Surgaea*. Здесь же находился обломок гребня, у колен два глиняных пряслица — одно шаровидное, фрагментированное, коричневато-кирпичное, орнаментированное наколами, другое — биконическое, того же цвета, но из более компактного теста с рунической надписью, начертанной на нем по сырому тесту (*in pasta crudá*). Погребальный инвентарь (стр. 12) отчетливо датирует погребение второй половиной — концом IV в. Напомним, что в Лецканском могильнике в погребении № 23 была найдена серебряная монета Констанция II¹⁷. По определению Б. Митря, это серебряная силиква чеканки конца 348 г., очень редкого выпуска и прекрасной сохранности. Б. Митря полагает, что она даже не была в обращении¹⁸.

на нем рунической надписью в одном из погребений биритуального могильника культуры Синтана де Муреш-Черняхов в Лецканах, к западу от Ясс, обнаруженного при систематических раскопках могильника и связанного с ним поселения, начатых в 1966 г. и в настоящее время законченных¹³. Раскопки эти производились румынским археологом К. Блошю.

Определение и дешифровка надписи была проведена недавно скончавшимся крупнейшим рунологом Вольфгангом Краузе, который посвятил ей специальную статью¹⁴, результаты анализа также приведены и в статье К. Блошю, давшей подробное археологическое исследование погребения¹⁵.

Лецканское погребение № 36, в котором было найдено пряслице с рунической надписью, представляет собой труположение на глубине 1,90 м в прямоугольной могильной яме с нескругленными углами. Костяк, ориентированный ССЗ-ЮЮВ, принадлежал женщине в возрасте 25—30 лет, небольшого роста (выс. 1,52 см), средиземноморского типа — антропологическое определение сделано М. Кристеску из антропологической секции Ясского

Надпись на пряслице двустрочная, читается слева направо и снизу вверх, имеет пунктуацию, указывающую начало и конец надписи (стр. 13)¹⁹. Последовательно рассмотрев все составляющие ее руны и проанализировав надпись в целом, В. Краузе предложил как первичное следующее ее чтение: «idonsufthe rao», т. е. «Īdōns ufthē[r]—Rae[n]ō»; в немецком переводе: «Idos Gewebe [ist das] hier—Rangna»—«это ткань Идо здесь — Рангно»²⁰. В. Рангно В. Краузе видит имя собственное от женского вестготского имени Ragnahilda; другое имя, Ido, он считает также вестготским, стоящим в родительном падеже. Остается неясным, указывает Краузе, сама ли Рангно, упоминаемая в верхней строчке надписи, нацарапала ее или привлекла к этому мастера рун (Runenmeister); форма рун, большей частью тщательная, указывает, по его мнению, скорее на вторую возможность. В то же время В. Краузе подчеркивает, что мы до сих пор не имели на древнем футарке никаких достоверных надписей на глине²¹.

Обломки керамики
из Лепесовки.

Если для В. Краузе лецканская надпись вестготская и он традиционно связывает ее с событиями конца 70-х — начала 80-х годов IV в. (Атанарих)²², то для К. Блошу это, видимо, не безусловно, поскольку она не исключает остготской ее принадлежности, правда предположительно²³.

Другие находки древних рун в Румынии менее выразительны и не дешифрованы. Так, в могильнике в Раду-Негру (р-н Кэлэраши, Мунтения), тоже биритуальном, датированном серединой — второй половиной IV в., среди других находок был обнаружен в 1961 г. сделанный на гончарном круге сероглиняный кувшин с ойнохоевидным горлом, украшенный по плечикам тройной зигзагообразной линией, справа от которой врезаны по сырому тесту три знака, в которых большинство румынских исследователей видит руны (стр. 14); они не дешифрованы²⁴.

Третья находка сделана также в погребении с трупоположением, сопровождаемом рядом сосудов, случайно открытом в 1970 г., недалеко от места находки знаменитого золотого клада в Петроссе (р-н Бузэу, Валахия)²⁵. Как и в Раду-Негру, руны обнаружены на глиняном сосуде²⁶.

Следы рунической письменности были обнаружены и при наших раскопках поселения черняховской культуры у с. Лепесовка на Южной Волыни. О наличии на фрагментах керамики знаков мы упоминали, не входя в их рассмотрение, в нашем отчете о раскопках поселения еще в 1963 г.²⁷ Рунические знаки, виденные при научной поездке в Ленинград в 1959 г., отмечает в своей работе о могильниках IV в. в Мунтении Б. Митря²⁸. Это служит поводом К. Блошу говорить о следах рунической письменности в СССР²⁹.

В настоящей краткой статье ограничимся приведением только двух фрагментов керамики из Лепесовки, в которых, как нам представляется, можно усматривать древние руны. Это, во-первых, обломок сделанной на гончарном круге желтой лощеной миски, обнаруженной при расчистке и снятии развала обмазки округлой легкой наземной постройки типа шалаша (стр. 15), во-вторых, обломок черного лощеного сосуда, найденного в хлеву наземного жилого комплекса № 1 (стр. 15)³⁰.

Мы не привлекаем ранее известные находки с руническими надписями — так называемое ковельское копье или золотую гривну Петросского клада, — как не связанные с черняховской культурой. Равно не принимаем во внимание проскользнувшие в литературу сведения о тех или иных недостоверных данных о следах рунической письменности (к последним относим многочисленные пряслица в окрестностях Киева), о которых упоминает К. Блошу, ссылаясь на информацию Г. Дьякону³¹.

Полагаем, что приведенные факты значительно укрепляют положение о существенной роли германцев в сложении и во всех последующих судьбах черняховской культуры.

* * *

¹ М. Б. Шукин. О трех датировках черняховской культуры.— «КСИА», вып. 112. М., 1967, стр. 7—13. См. также: М. А. Тиханова. К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры.— «КСИА», вып. 138. М., 1974, стр. 70—71, специально сноски 31, 32.

² Е. В. Махно и М. Ю. Брайчевский в целом ряде работ.

³ М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янсько державності. Київ, 1964, стр. 4—5, 19—20.

⁴ Например, И. С. Винокур. 'Волинско-Подольское пограничье — один из районов формирования черняховской культуры.— «КСИА», вып. 121. М., 1970, стр. 31—33; он же. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972, стр. 22—24, 143; Э. А. Симонович. Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 31—33.

⁵ В. В. Кропоткин, Г. Дьякону.

⁶ Ю. В. Кухаренко, М. А. Тиханова.

⁷ М. А. Тиханова. Еще раз о происхождении черняховской культуры.— «КСИА», вып. 121. М., 1970, стр. 94.

⁸ K. Godłowski. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe.— «Prace archeologiczne», zeszyt II. Kraków, 1970, p. 31—41, pl. VI—IX.

⁹ J. Jaskanis. Smentarzysko z okresu rzymskiego w Cecelach pow.— «Semietyczne w świetle badań z 1966—1970. Sprawozdania archeologiczne XXIV».

Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972, s. 101.

¹⁰ Б. А. Рыбаков, М. Ю. Смишко, Э. А. Симонович, И. С. Винокур, Е. В. Махно, М. Ю. Брайчевский и ряд других украинских археологов.

¹¹ В советской литературе первоначально сформулировано М. И. Артамоновым. Затем развито и уточнено в работах Ю. В. Кухаренко и ряда других исследователей, особенно польских и румынских, говоривших в основном о германской принадлежности черняховской культуры, осложненной на юге сарматскими и дакийскими элементами.

¹² W. Krause. Die Runeninschriften im älteren Futhark. Göttingen, 1966, S. 6—8; Э. А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965, стр. 29—43. К происхождению рун см. также: O. Friesen. De germansk anglofriska och tyske runorna в Nordisk kultur, VI. København — Oslo — Stockholm, 1933, s. 3—79; N. Åberg. Vorgeschichtliche Kulturkreise in Europa. Bilderatlas mit erläuterndem Text. Copenhagen, 1936, S. 51; H. Arntz, H. Zeiss. Die einheimischen Runendenkmäler des Festlandes. Leipzig, 1939, S. 426; E. Moltke. Er Runenskrifter optaet i Danmark. Fra Nationalmuseet Arbejdsmark, 1951; C. J. S. Marstrander. De nordisk runeninskrifter i eldre alfabet. I Danske og svenske inskrifter. «Viking», 1952, s. 3 ff; J. Brøndsted. Eisenzeit in Dänemark. Neumünster, 1963,

- s. 272, 43; *J. Werner*. Das Aufkommen von Bild und Schrift in Nordeuropa. München, 1966, S. 34, 38, 55; *M. A. Туханова*. К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э.— «*Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*». Tallinn, s. 205—206.
- ¹³ Сведения, сообщенные румынским археологом Ионом Ионице при его посещении Ленинграда 10—14 октября 1974 г. Всего вскрыто 84 погребения, остальные погребения разрушены современным строительством; на поселениях, как и на других синхронных поселениях, сочетаются наземные и углубленные жилища.
- ¹⁴ *W. Krause*. Die gotische Runeninschrift von Lețcani.— «*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*», Bd. 83, H. 1, 1969, S. 153—161.
- ¹⁵ *C. Bloșiu*. O inscripție runică descoperită în necropola din secolul al IV-lea de la Lețcani-Jași.— «*Memoria antiquitatis*», I. Piatra Neamț, 1969, p. 167—180. Ср. *I. Ioniță*. Probleme der Sintana de Mures-Cernjachovkultur auf dem Gebiete Rumäniens.— «*Studia Gotica*». Stockholm, 1971, S. 101.
- ¹⁶ *A. К. Амброз*. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э.—IV в. н. э. САИ Д-30. М., 1966, стр. 82. К. Блошу ошибочно относит фибулу к варианту 1А.
- ¹⁷ *C. Bloșiu*. Op. cit., p. 168.
- ¹⁸ *B. Mitrea*. Descoperiri recente și mai veche de monede antice și bizantine în Republica Socialistă România.— «*SCIV*», t. 21, 1970, 2, p. 342—343, № 65; ср. *V. Mihăilescu-Birlibe*. Circulația monetară la tribuliri libere de la răsarit de Carpați (sec. II—IV e. n.).— «*Memoria antiquitatis*», II. Piatra Neamț, 1970, p. 331, № 123.
- ¹⁹ *W. Krause*. Op. cit., S. 154. В подлинности надписи В. Краузе не сомневается (подделку исключает, по его мнению, то, что К. Блошу открыла ее «совсем одна»,— суждение, вызывающее, правда, некоторое удивление).
- ²⁰ *W. Krause*. Op. cit., S. 156.
- ²¹ *W. Krause*. Op. cit., S. 159. (Попутно В. Краузе касается погребальных урн в Верхней Силезии в Нездровицах и Дзедзице, «надписи» которых он включил в число рунических в первом издании рунических надписей на древнем футарке 1937 г.; в статье 1969 г. он определяет их как состоящие из дорунических знаков с вкраплением рунических и в свой корпус рунических надписей 1966 г. не ввел.)
- ²² *W. Krause*. Op. cit., S. 159. Кстати, не можем не сделать одного замечания: В. Краузе определяет Лецканский могильник как биконфессиональное кладбище (op. cit., S. 159). Такое определение ошибочно. Могильник в Лецканах биритуальный, поскольку в нем сочетаются захоронения с труположениями и погребения с трупосожжениями, но биритуальность не дает никаких оснований говорить об его биконфессиональности, т. е. рассматривать двуобрядность как признак двоеверия.
- ²³ *C. Bloșiu*. Op. cit., p. 178—179.
- ²⁴ *G. Diaconu, N. Anghelescu*. Despre necropola din sec. IV e. n. de la Radu Negru.— «*SCIV*», t. 14, 1963, 1, p. 167—174, fig. 3—4; ср. *B. Mitrea, C. Preda*. Necropole din secolul al IV-lea e. n. în Muntenia. București, 1966, p. 150—151, 402, fig. 228/3; *C. Bloșiu*. Op. cit., p. 173; *B. Mitrea*. Die Goten an der unteren Donau — einige Probleme im III—IV Jahrhundert.— «*Studia Gotica*». Stockholm, 1972, S. 94; *I. Ioniță*. Op. cit., S. 101. И. Ионице считает вопрос о рунах на кувшине в Раду-Негру дискуссионным, поэтому при перечислении находок предметов с единичными рунами дает Раду-Негру со знаком вопроса.
- ²⁵ *I. Ioniță*. Op. cit., S. 101, 104; *B. Mitrea*. Op. cit., p. 94.
- ²⁶ Как сообщил автору И. Ионице в устной беседе, он не только видел сосуд из Петроссы, сделанный на круге миску, но и держал ее в руках; сомнений в том, что это руны, а не просто знаки, у И. Ионице нет. Он же сообщил об еще одной находке рун на территории Румынии, которую он еще не видел и не знает точного ее места.
- ²⁷ *M. A. Туханова*. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг.— «*СА*», 1963, 2, стр. 190.
- ²⁸ *B. Mitrea, C. Preda*. Op. cit., p. 151.
- ²⁹ *C. Bloșiu*. Op. cit., p. 178.
- ³⁰ *M. A. Туханова*. Указ. соч., рис. 2, на стр. 183.
- ³¹ *C. Bloșiu*. Op. cit., p. 178.